

Глава 11. Дворец Цянькунь и перевёрнутый мир

Сун Цяньцзи быстро разгладил брови.

Завтра он спустится с горы и начнёт новую жизнь.

Даже если Мяо Янь пришла на главный пик Хуавэй, чтобы заложить повозку взрывчатки, его это нисколько не касалось.

Заклинатели ценят четыре сокровища: богатство, даосского спутника, закон и землю. В прошлой жизни у него было огромное богатство, благословенные земли, личное магическое оружие, не хватало только даосской спутницы.

Он хотел жениться на Мяо Янь, и она, казалось, была не против, поэтому они назначили дату свадьбы.

Только после смерти он понял, что всё это было самообманом, недоразумением.

Не только Мяо Янь, но и все прошлые обиды и привязанности — он не то чтобы простил или забыл, просто не хотел тратить на это свою новую жизнь, не хотел больше ввязываться в эти расчёты и путы.

Мяо Янь для него стала туманом на воде, вчерашним увядшим цветком.

Они пересекутся на этом мосту Уходящей Воды и больше никогда в жизни не встретятся.

Впредь ты будешь играть на своей цитре, а я — возделывать свою землю.

Мы будем как вода из колодца и вода из священного источника — не смешаемся.

— Хватит пялиться, — поторопил Сун Цяньцзи стоявших перед ним учеников. — Пошли.

Два посланника очнулись, издали удивлённый возглас «ах!» и, осознав свою невежливость перед красавицей, покраснели, опустили головы и замялись на месте.

Сун Цяньцзи пришлось идти вперёд одному.

— Стой!

Резкий девичий окрик.

Сердца двух посланников дрогнули. Подняв головы, они увидели, что из-за спины Мяо Янь выскочила девушка в красном.

Она была с мягким хлыстом на поясе, её ивовые брови были взлёте, а уголки глаз — узкие и вздёрнутые, что придавало ей дерзкий вид.

Оказалось, высокая фигура Мяо Янь и её развевающееся платье полностью скрывали миниатюрную девушку.

Одна была в голубом, другая — в красном. Одна — как спокойное озеро, другая — как пылающий красный лотос.

Посланники поклонились:

— Старшая сестра Чэнь.

Она метнула на них гневный взгляд, и они тут же исправились:

— Старшая госпожа.

Сун Цяньцзи догадался, что это, должно быть, единственная дочь главы школы Истинного Сюйюня, Чэнь Хунчжу.

Сейчас Школа Хуавэй ещё не начала клониться к упадку, и Чэнь Хунчжу могла позволить себе всё что угодно.

Она была знатнее любой принцессы в мире смертных и нравом обладала ещё более крутым.

Она холодно оглядела Сун Цяньцзи:

— Это ты тот ученик внешней школы, что передал записку моему отцу?

— Это я.

Чэнь Хунчжу фыркнула:

— Не знаю, что за бред ты там написал, но из-за тебя вся ночная игра феи на цитре пошла насмарку.

Говоря это, она бросила взгляд на фею Мяо Янь, и в её глазах промелькнуло злорадство.

Мяо Янь не изменилась в лице:

— Завтра в это же время я приду и сыграю снова.

Сказав это, она грациозно удалилась.

Два посланника стояли в растерянности, не понимая, о чём идёт речь.

Сун Цяньцзи же, хоть и знал всё, притворился, что ничего не понимает.

Оказалось, Мяо Янь пришла, чтобы помочь старику Сюйюню восстановить душевное равновесие.

И это было логично. Учительница Мяо Янь, фея Ваншу, была давней близкой подругой Истинного Сюйюня, и сама Мяо Янь имела тесные связи со Школой Хуавэй.

Мяо Янь практиковала «Искусство небесного звука». Её музыка могла как помогать в бою, так и успокаивать бушующую духовную энергию, помогая восстановить внутреннее равновесие.

После неудачной попытки прорваться на уровень Превращения в божество состояние Истинного Сюйюня было нестабильным. Не желая, чтобы об этом узнали посторонние, он уединился и редко принимал гостей.

Но приближалось Изящное Собрание «Достичь известности», на которое съедутся представители всех школ. Как бы Истинный Сюйюнь ни старался быть незаметным, ему придётся несколько раз появиться на публике, чтобы не вызывать подозрений.

Он хотел с помощью «Искусства небесного звука» как можно скорее прийти в себя и попросил свою дочь под предлогом тоски по подруге пригласить Мяо Янь в Школу Хуавэй.

Сегодняшняя записка Сун Цяньцзи нарушила душевное равновесие Истинного Сюйюня, и небесная музыка Мяо Янь оказалась бесполезной.

Разобравшись в ситуации, Сун Цяньцзи невольно посмотрел на Чэнь Хунчжу с жалостью, как на дурочку.

«Мяо Янь зря играла, но ведь от этого хуже всего твоему отцу. Чему ты радуешься? Разве Мяо Янь не твоя двоюродная сестра, какая у вас может быть вражда?»

Чэнь Хунчжу неожиданно встретилась с его взглядом и замерла.

Когда она шла рядом с Мяо Янь, все всегда смотрели только на Мяо Янь. Поэтому она ненавидела ходить с первой красавицей бок о бок, стараясь либо идти впереди, либо отставать на несколько шагов.

Но этот человек был другим. Чэнь Хунчжу подумала: он с первого взгляда нахмурился, увидев Мяо Янь, а на меня смотрит с сочувствием...

Ученики Школы Хуавэй смотрели на неё со страхом и трепетом, старшие братья и отец — с обожанием и потаканием.

«Нелепо, с чего бы ученику внешней школы меня жалеть?»

Её щёки вспыхнули, и она тут же пришла в ярость:

— Наглец! Что уставился?!

Сун Цяньцзи опустил глаза и улынулся:

— Прошу прощения.

— Чего смеёшься?! — девушка в красном хлестнула хлыстом по белым нефритовым перилам. Звук получился звонким.

Пятицветные карпы под мостом испуганно запрыгали в море облаков.

Сун Цяньцзи не стал с ней спорить, просто перестал улыбаться.

Два посланника, видя это, прониклись к Сун Цяньцзи глубоким сочувствием:

Этот парень и так заступился за своего невезучего брата Мэн Хэцзэ, чудом вымолив себе шанс на спасение. Если его сейчас ни за что ни про что отхлещет эта Чэнь-тиран, то и жаловаться будет некому.

Тот, что повыше, набравшись смелости, сказал:

— Старшая госпожа, он всего лишь ученик внешней школы, впервые на главном пике, не знает правил, пожалуйста, будьте снисходительны.

Тот, что пониже, тоже вставил слово:

— Глава школы всё ещё ждёт...

— Заткнитесь! — нетерпеливо оборвала их Чэнь Хунчжу и, сверкнув глазами на Сун Цяньци, сказала: — Чтобы я тебя больше не видела!

Девушка в красном, размахивая хлыстом, быстро зашагала прочь.

Пройдя двадцать три шага, она не удержалась, остановилась и оглянулась.

Его фигура удалялась, тень от лунного света вытягивалась.

Мост Уходящей Воды был защищён формацией и всегда оставался безупречно чистым. Но его матерчатые туфли были в грязи, и он оставлял за собой следы на белом нефрите.

Очень бледные, но очень заметные.

Но он шёл уверенно, ничуть не смущаясь.

Чэнь Хунчжу нахмурилась.

Она знала своего отца. Его совершенствование было глубоким, он прошёл через многое и мог оставаться невозмутимым, даже если гора Тайшань рухнет перед ним.

Даже если выражение его лица менялось, его разум оставался спокоен, как гладь озера.

Но сегодня вечером отец, закрыв глаза, с бесстрастным лицом извинился перед Мяо Янь.

И тогда звуки цитры смолкли, и Мяо Янь, поклонившись, удалилась.

Проплыло облако, и фигура в конце длинного моста исчезла из виду.

«Что же всё-таки было написано в твоей записке?»

Когда Сун Цяньци увидел ворота дворца Цянькунь, два ученика нервничали больше него.

— Ты ходишь в подпольные казино в предгорьях? — спросил тот, что повыше.

— Что?

Низкий пояснил:

— Ты, ученик внешней школы, впервые попадаешь во внутреннюю, и сразу на главный пик; впервые на главном пике, и сразу видишь фею Мяо Янь. Даже столкнувшись с Чэнь-тираном... то есть, со старшей сестрой Чэнь, не пострадал ни на волосок. С такой удачей, один на миллион, ты можешь с закрытыми глазами идти в казино и сорвать банк!

Сун Цяньцзи покачал головой и усмехнулся:

— Моя удача всегда была плохой.

— Не скромничай! Если ты и из дворца Цянькунь выйдешь целым и невредимым, мы всю жизнь будем ставить на тебя в казино!

Подошёл послушник, чтобы провести его. Два ученика остановились у ворот и отчаянно замахали ему руками:

— Мы тебя здесь ждём!

Дворец был пуст, свет ламп тускло мерцал, занавеси были опущены.

Тяжёлые ворота закрылись за его спиной.

Сун Цяньцзи собрался с духом, чтобы сыграть роль ученика внешней школы, которому внезапно улыбнулась удача, и почтительно поклонился:

— Ученик приветствует главу школы!

Взгляд пронзил колышущуюся кисею занавесей и упал на него.

Фигура за занавесью, хоть и сидела, казалась огромной, как гора.

Взгляд был тяжёлым, словно острый меч, готовый пронзить его насквозь.

Сун Цяньцзи застыл в поклоне, заставляя себя покрыться холодным потом.

Истинный Сюйюнь смотрел на юношу перед собой.

Как ни посмотри, это был обычный ученик внешней школы с низким уровнем совершенствования.

Никаких признаков одержимости старым демоном или несоответствия души и тела. Он был настолько хрупок, что его можно было уничтожить одним пальцем.

Будь это ученик внутренней школы, его дата рождения, характер, привычки, кто его принял в школу, даже откуда он родом и каковы его семейные узы — всё это можно было бы за полчаса собрать в толстый свиток и положить на стол Истинного Сюйюня.

Но Сун Цяньцзи был незаметным учеником внешней школы, и информации о нём было мало.

Пятнадцать лет, на горе три года. Усерден, стремится попасть во внутреннюю школу. Замкнут, нелюдим, да ещё и в контрах с главой дьяконов Чжао.

Истинный Сюйюнь знал о том, о чём, по мнению Чжао Юйпина, он не знал.

Пока во внешней школе всё было стабильно и не выходило из-под контроля, он готов был закрывать глаза на мелочи. Иначе кто бы стал выполнять эту неблагодарную работу?

Дворец Цянькунь хоть и парил в облаках, но огромные суммы духовных камней, поддерживающие работу формации, добывались из глубоких шахт под землёй.

Истинный Сюйюнь прекрасно понимал: если заклинатель не терпит соринки в глазу, думает лишь о совершенствовании и не умеет управлять, разбираться в людях и правильно их использовать, то ему суждено быть лишь праздным старейшиной или вольным отшельником, но никак не главой школы.

Особенно такой огромной, как Хуавэй.

До того, как Сун Цяньцзи вошёл во дворец, он думал, что этот юноша прост и не имеет секретов.

Но сейчас, глядя на него, он чувствовал смутное беспокойство.

Заклинатели высокого уровня чувствуют мир, избегают бед и никогда не пренебрегают своей интуицией.

— Встань.

Давление на Сун Цяньцзи исчезло. Раздался старый, но спокойный голос:

— Что означает фраза, которую ты написал?

— Ученик не знает.

Истинный Сюйюнь был доволен этим ответом. Его голос стал мягче, как у доброго старика:

— Ты не знаешь, так зачем же показал мне?

— Мне сказал один человек. Он велел, если будет возможность, передать эту фразу главе школы.

— Что за человек? Где ты его встретил?

— Семь дней назад, на рассвете, я встал для утренней тренировки с мечом. Внезапно на стене моего двора появилась фигура и заговорила со мной. Защитная формация горы не сработала, а он так запросто сидел на стене, поэтому я подумал, что это один из старейшин нашей школы, и даже поклонился ему. Его первые слова были: «Парень, так ты ничему не научишься...»

Перед таким опытным и сильным человеком, как Истинный Сюйюнь, любой отрепетированный обман будет раскрыт в мгновение ока.

Поэтому Сун Цяньцзи действительно вспоминал.

Вспоминал фрагменты из реки времени, как выглядел и одевался учитель «спасителя мира».

И их первую беседу со спасителем.

Сун Цяньцзи говорил то быстро, то медленно, сбиваясь, что делало его рассказ ещё более правдоподобным.

По крайней мере, Истинный Сюйюнь уже наполовину поверил, и в его голове возникло три-четыре кандидатуры.

Некоторые сильные заклинатели были эксцентричны и непредсказуемы. Проходя мимо чужой школы, они могли из прихоти дать пару советов какому-нибудь ученику внешней школы. Это не было чем-то из ряда вон выходящим.

Настоящая мощная формация Школы Хуавэй защищала внутреннюю школу. Формация внешней школы для мастера уровня Превращения в божество была не прочнее бумажного листа.

Раз уж он оставил эту фразу, значит, у него не было злых намерений.

Истинный Сюйюнь с улыбкой спросил:

— Он научил тебя, ты выучил. Незнание не является преступлением, в этом нет твоей вины. Как он выглядел, ты помнишь?

Сун Цяньцзи:

— У него волосы были собраны в один пучок, одежда была старая и потрёпанная, но в петлице был полевой цветок. У него не было меча, но он говорил, что он — сильнейший мечник в мире.

За занавесью лицо Истинного Сюйюня внезапно побледнело.

Сун Цяньцзи продолжал:

— Он всё время улыбался, словно родился с улыбкой на лице. На поясе у него висел маленький кувшин с вином, и он то и дело к нему прикладывался.

Морщинистое лицо Истинного Сюйюня начало мелко дрожать, в его глазах появился страх.

— Ах да, я вспомнил, он сказал, что его зовут... — Сун Цяньцзи открыл рот, чтобы произнести имя.

— погоди! — раздался резкий окрик.

Сердце Сун Цяньцзи ёкнуло.

«Неужели Истинный Сюйюнь почувствовал, что у меня есть Источник Бессмертия? Но он ещё не достиг уровня Превращения в божество, как он мог почувствовать такое небесное сокровище? Если бы я за целый день не сроднился с аурой Источника Бессмертия в моём пурпурном дворце, я бы не рискнул прийти в этот дворец Цянькунь»

В его голове пронеслось множество планов отступления, но он не сделал ни одного движения.

Он просто договорил имя.

Словно не успел остановиться, по неосторожности.

Поэтому голос его был тихим и слабым:

— Сянь Цзяньчэнь.

Как только имя было произнесено, ясная луна за окном померкла.

Поднялся сильный ветер, разметав облака!

— БАМ!

Все окна во дворце распахнулись, ворвался ледяной вихрь, рвя занавеси и гася все свечи.

— ГРОМ!

В дворец Цянькунь ударила молния!

Вся облачная формация задрожала!

Пять лучей света вылетели с пяти горных вершин, мгновенно достигли дворца и, пробив двери, ворвались внутрь!

Истинный Сюйюнь выхватил меч и направил его в небо!

Но небо и земля рухнули и восстановились в одно мгновение. Когда он выхватил меч, а пять владык пиков ворвались во дворец, безумный ветер уже стих.

Тучи рассеялись, показалась ясная луна.

Перевернутый мир встал на своё место.

Лишь разгромленный дворец и раскаты грома напоминали, что это был не сон.

Один из владык пиков в ярости закричал:

— Кто? Кто произнёс это имя?!

Сун Цяньцзи тоже был ошеломлён.

Оказывается, в мире и вправду есть люди, от одного упоминания имени которых бьёт молния.

Учитель спасителя мира, Сянь Цзяньчэнь, ты и вправду крут.

Истинный Сююнь застыл с мечом в руке.

Словно тот человек сидел перед ним на руинах и с улыбкой говорил:

«Не бойтесь, я правда не хочу вас убивать и больше никогда не вернусь. Школа Хуавэй остаётся вам.

Но я не люблю, когда за моей спиной говорят обо мне плохо. Поэтому впредь, в этом дворце Цянькунь, никогда не упоминайте моего имени, поняли?

Не надо просто кивать, кто-нибудь может сказать что-то вразумительное?»

Истинный Сююнь услышал свой слабый голос:

— Я... я понял.

— Понял — и хорошо. Этот кувшин вина — тебе. Ты и будешь теперь главой школы.

Прошло двести лет, а этот день всё ещё был как вчера.

<http://bllate.org/book/16982/1582786>